СКАЗКА
И
ПОВѢСТЬ,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ
СЪ
ФРАНЦУЗСКАГО
ЯЗЫКА
ИЗЪ
СОЧИНЕНІЙ
Г. АРНОДА.

Печатаны въ Типографіи Императорскаго Московскаго Университета
1778 года.

ОРАКУЛЪ,
или
ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ
СКАЗКА.

Опредѣленія судьбы неизбѣжны и предполагаемыя къ отвращенію средства, больше еще онымъ ускоряютъ: иной жилъ бы въ тишинѣ, естьлибъ безпокойство не побудило его искать участи, которая бы еще впредь его постигла. Такимъ образомъ Богу угодно было наказать людей за безрассудное ихъ любопытство; не станемъ проникать таинствъ отъ насъ сокровенныхъ, но возблагодаримъ небо, что оно лишило насъ оныхъ свѣдѣнія; сей есть вящшій опытъ божескаго къ намъ милосердія.

Дорюсъ, владѣтель Лидійской, побѣдами увеличилъ наслѣдованное отъ предковъ своихъ государство; наконецъ наслаждался

покоемъ, любимъ былъ покоренными своей державѣ народами, совершалъ ихъ благополучіе, но самъ былъ нещастливъ. Небо не осчастливило бракъ его: напрасно просилъ онъ о наслѣдникѣ, которой бы наставленъ быть могъ его ученіемъ и примѣромъ, со славою вступилъ бы на престолъ ему нѣкогда оставленной, и восстановлялъ бы по немъ благополучіе имперіи. Одно это было крайнее желаніе благочестиваго сего Государя; соболѣзновалъ онъ о участи своихъ подданныхъ, ежели его не станетъ.

Столь великодушное желаніе достойно было совершиться: такъ и воспослѣдовало, что Королева родила сына; Дорюсъ восчувствовалъ отмѣнное удовольствіе; Лидія оное съ нимъ раздѣляла, наконецъ радость стала всеобщая; приносили благодареніе Богу, испытывали его по обычаю о судьбинѣ младенца. Оной обрядъ происходилъ съ великимъ благоговѣніемъ, и совершался съ отмѣннымъ великолѣпіемъ.

Какъ все было изготовлено, назначенъ день къ сему великолѣпному торжеству; народъ, ожидающій онаго съ нетерпѣливостію, сбрался множествомъ во храмъ; вскорѣ и Король со всѣми придворными тудажъ прибылъ, взявъ младенца отъ кормилицы, вручилъ первосвященнику, которой

рой положилъ его на освященной жертвенникъ. Начались молитвы, многіе приносились жертвы въ прославленіе Богу, и во ожиданіи его милости. Первосвященникъ разсматривая ихъ внутренняя; Король же, придворные и народъ пристально на него смотрѣли: казалось, что они изъ лица его угадать хотѣли, что онъ имъ предскажетъ. Вдругъ примѣчалась веселость на лицѣ его. Но какъ въ самой нутрь взглянулъ, то нѣкоторое смущеніе на немъ показалось, что и всѣ предстоящіе почувствовали. Первосвященникъ продолжалъ свое наблюденіе, и казался на нѣсколько минутъ погруженнымъ въ глубочайшую задумчивость. Свободясь же оной, отошедъ отъ олтаря, сталъ предъ Государемъ, предложилъ ему слѣдующую рѣчь:

„ Боги благодѣтельствуютъ тебѣ Дорюсъ; награждаютъ тебя онымъ сыномъ въ „ знакъ своего благоволенія; участь твоя будетъ щастлива; а его мнѣ неизвѣстна. Боги „ закрыли завѣсу предбудущаго; я проникаю „ страшную минуту; не вижу того кто под„ верженъ ей будетъ, другая рука противъ „ того вооружится, и удержитъ сей ударъ. „ Пролïется ль кровь! постигнетъ ли смерть! „ небо мнѣ того открыть не опредѣлило.

Сія рѣчь смутила духъ всѣхъ присутствующихъ; Дорюсъ огорченный возвратился

во дворецъ, просилъ Бога, чтобъ не наказалъ его такою несносною печалію.

Какъ онъ нѣсколько въ себя пришелъ, началъ прилѣжно разсуждать о предсказаніи; старался разобрать смыслъ онаго, сынъ его угрожаемъ нещастіемъ, но какъ бы оное отвратить было можно?

Въ неизвѣстности и безпокойствѣ поспѣшалъ онъ въ королевины покои, чтобъ съ нею о томъ посовѣтовать. Ей уже было извѣстно первосвященника предсказаніе; нашелъ онъ ее въ слезахъ, обремененную своимъ нещастіемъ, призывающую смерть, и отдавшуюся отчаянію, которое жизнь ея въ опасность приводило. Принужденъ онъ былъ ее утѣшать, когда самъ въ томъ имѣлъ нужду; скрывать отъ нее опасность, и ободрять ее надеждою, которой совсѣмъ не было. Выдумывая способствующія намѣренія, обрѣлъ онъ нѣкоторыя къ своему утѣшенію. *Эта драгая рука*, которою предсказатель угрожалъ его сына; казалось ему быть рукою нѣкотораго сродственника; и дабы избавить сына своего отъ угрожающаго умысла, казалось нужно было удалить его отъ Двора, и возрастить въ неизвѣстномъ мѣстѣ, отлуча отъ своей фамиліи, въ надеждѣ, что время, а паче Богъ, подастъ къ лучшему перемѣну.

Не-

Нещастіе всегда смущаетъ; оно съ радостію утверждаетъ всѣ обманчивые виды, которые его обольщаютъ. Королева, ободренная удостовѣренностію своего супруга, и сколь ей прискорбно ни было разлучиться съ сыномъ, однакожъ на то согласилась, думая, что онъ будетъ благополученъ.

Дорюсъ поспѣшалъ совершить свое намѣреніе, и не теряя время; ибо всякая минута его страшила; послалъ за Орикзисомъ, которой былъ великихъ знаній, и отмѣнной остроты разума. Король поручалъ ему свое войско, съ коимъ онъ весьма прославился въ сраженіяхъ; иногда призыванъ былъ для правленія государства, гдѣ оказывалъ великіе успѣхи въ дѣлахъ; добрыя его качества дѣлали его любезнымъ Государю и подданнымъ. Хотя онъ былъ и надмененъ, однакожъ велъ себя безпорочно, выключая нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ для достиженія своего намѣренія онъ нѣсколько отъ правды отдалялся, совсѣмъ тѣмъ умѣлъ онъ все то скрыть отъ общества.

Орикзисъ не замешкалъ стать предъ своего Государя, которой увѣдомилъ его о своемъ страхѣ и надеждѣ, пріобщая къ тому, что онъ его избралъ возрастить своего сына, защищая его отъ угрожаемаго нещастія.

Орикзисъ будучи побужденъ отмѣнною Королевскою довѣренностію, старался оказать себя тому достойнымъ. Предусматривалъ онъ великія выгоды въ поручаемой ему должности; уповалъ сыскать благосклонность у наслѣдника престола; все онъ пріобрѣсть надѣялся отъ его снисхожденія. Власть и знатность его до высокой степени достигнутъ.

Зналъ онъ самое уединенное мѣсто, никому несвѣдомое, лежащее посреди густой рощи, по мнѣнію богами обитаемой, къ коей Лидіанцы изъ почтенія и страха никакого доступа сдѣлать не смѣли; сіе убѣжище предлагаемо имъ было для молодаго Государя, котораго онъ по приказанію Дорюса въ полночь туда отвесть согласился.

Между тѣмъ Королева, обремененная печалію, происшедшею отъ предсказанія, огорчалась о неминуемомъ отбытіи своего сына, и въ крайней была отъ того опасности; въ послѣдній разъ его облобызала, переговоря тайно съ первосвященникомъ, причемъ была только кормилица молодаго Государя, и простясь съ нимъ препоруча его въ защиту вышней десницѣ, сама скончалась.

Въ ту минуту Орикзисъ пріѣхавъ взялъ въ свою колесницу Государскаго сына, двухъ жен-

женщинъ, и кормилицу съ ея сыномъ, называемымъ Агеноромъ, которой воспитывался съ наслѣдникомъ вмѣстѣ.

Нѣсколько лѣтъ такъ прошли: сіи дѣти оба почувствовали другъ къ другу наисильнѣйшую склонность. Воспитаніе ихъ было равное; забавы ихъ были одинаковы; раздѣляли они между собою какъ ученіе, такъ и веселія. Король по природной любви часто посѣщая ихъ уединеніе, похвалялъ ихъ согласіе, съ радостію примѣчалъ чувствительность своего сына. Государь, склонный къ дружбѣ, пріятенъ своимъ подданнымъ, которыхъ благополучіе онъ совершать долженъ.

Какъ молодой Государь сталъ пятнатцати лѣтъ, родитель рассудилъ взять его ко Двору; время истребило изъ его мыслей Оракуловы предсказанія; государство наслаждалось спокойнымъ миромъ; не было непріятелей внѣ государства, нижѐ какого внутренняго возмущенія; казалось, что Богъ умилосердился, а Государь не могъ сносить отдаленія такого сына, которой составлялъ все его благополучіе и надежду.

Молодой Государь скоро увѣдомленъ былъ о семъ намѣреніи; будучи доволенъ своимъ уединеніемъ, не желалъ онъ высокой чести, ни великолѣпія, о которыхъ онъ только

слыхалъ; чувствовалъ однакожъ, что судьба въ другое мѣсто его призывала, въ разсужденіи чего спокойно онъ въ томъ полагался на родительскую волю; принималъ его приказаніе съ почтеніемъ, а просилъ только у него той милости, чтобъ никогда ему съ Агеноромъ не разлучаться, и чтобъ онъ друга своего и при самомъ тронѣ могъ видѣть, равно какъ и въ пустынѣ, гдѣ они воспитались. Дорюсъ на то былъ согласенъ, облобызалъ онъ своего сына, и подкрѣпилъ въ его мнѣніяхъ; Агеноръ раздѣлялъ оказываемыя Государю чести; онъ прибылъ съ нимъ ко Двору при восклицаніи всенародномъ.

Ниодинъ изъ нихъ не казался воспитаннымъ быть въ лѣсу: они хорошо себя свѣту представили, и вскорѣ пріобрѣли то, что къ воспитанію ихъ не доставало.

Государь разсматривалъ ихъ съ удивленіемъ; казалось, что равно онъ ихъ любилъ обѣихъ; желая учинить сына своего достойнымъ, чтобъ вручить ему залогъ драгоцѣнный, повелѣлъ онъ Ориксису научить его править государствомъ, показать ему прибытки Лидійскіе, силы его и удобности, чего надѣяться или опасаться отъ своихъ сосѣдей. Министръ, гордящійся славою, что научать будетъ своего Госуда-

сударя, употребилъ всѣ старанія, сколько сіе новое достоинство отъ него требовало. Оказывалъ ему усерднѣйшія услуги; привлекалъ его всякой день въ домъ свой, соединяя тамъ наставленія съ забавами; Агеноръ все то раздѣлялъ съ нимъ, и вездѣ слѣдовалъ за своимъ другомъ.

Ориксисъ имѣлъ одну дочь, которая вступала въ тѣ лѣта, въ которыя сердце начинаетъ чувствовать; испытывая необходимость любить, и когда прелести объявляются, и свое дѣйствіе производятъ; Исменою она называлась; была она пріятна; добродѣтели же ея души соотвѣтствовали порядочному расположенію ея тѣла.

Молодой Государь увидя ее пришелъ въ восхищеніе; скоро позабылъ онъ, что для науки ходилъ къ Ориксису; но другое намѣреніе побуждало его чаще туда являться. Агеноръ съ своей стороны также не съ равнодушіемъ смотрѣлъ на Исмену: пріятности ея глубоко въ сердцѣ его впечатлѣлись, но онъ все возможное употребилъ скрыть сіе отъ своего друга.

Ориксисъ скоро примѣтилъ страсть Государя къ своей дочери; гордость его тѣмъ надменнѣе стала: надѣялся онъ видѣть Исмену на престолѣ. Тайно старался онъ у-

учинить ему свободной къ тому приступъ. Важность состояля въ томъ, чтобъ любовь своего Государя довести до высочайшей степени: и для того подалъ онъ ему способы часто видѣться съ Исменой. Государь тѣмъ пользовался, и горячность его день отъ дня умножалась.

Не можно, чтобъ онъ состоянія души своей не открылъ своему другу. Какъ Исмена прекрасна, сказалъ онъ ему нѣкогда! Сколь бы я былъ щастливъ, естьлибъ могъ внушить ей любовь! Но увы! Возможно ли мнѣ сего надѣяться! душа ея еще нечуствительна; она наслаждается спокойствіемъ, какимъ я не знавъ ее наслаждался: Какое будетъ мое злополучіе, естьли пламя снѣдающее меня не воспалитъ ея сéрдца! Совѣтуй мнѣ, любезной Агеноръ! Что мнѣ дѣлать? Сказать ли ея отцу? Или къ моему прибѣгнуть? Не оскорбитъ ли ее, что я получу ихъ на то согласіе, не согласясь прежде съ нею.

Слова̀ сіи сразили Агенора, которой тогда усматривалъ, что надежда его совсѣмъ пропадала, и нещастіе его было неизбѣжно. Онъ старался преодолѣть себя, и не показать своего смущенія и печали. Ахъ! Государь, говорилъ онъ: можно ли не отвѣчать вашей любви: Вамъ нечего опасаться?

саться? Государь обнадѣясь, и ободренъ будучи симъ разговоромъ, вознамѣрился итти къ Исменѣ открыть ей свою страсть; звалъ онъ съ собою своего друга: Вы мнѣ въ томъ поможете, сказалъ онъ ему: любовь благополучіемъ своимъ хочетъ обязана быть вашей дружбѣ.

При семъ случаѣ испыталъ Агеноръ чувствительныя мученія; обожалъ онъ Исмену; надобно было ему лишаться надежды обладать ею, или когда нибудь возбудить ея нѣжность. Положилъ онъ уступить ее своему другу; смотрѣть на его благополучіе безъ зависти, удостовѣрясь, что Государь великія имѣетъ предъ нимъ преимущества; его природа, высокой степень, и добродѣтели, долженствуютъ прельстить Исмену; изслѣдуя точно достоинства своего соперника, старался убѣдить себя, что онъ никогда предпочтенъ не былъ, и сія мысль утѣшала его въ учиненной потерѣ. Между сихъ размышленій предстали ему другія неопровергаемыя; ему казалось, будто онъ примѣтилъ изъ глазъ Исмены, что она страсть его примѣчала; и съ сожалѣніемъ говорила: *Для чего ты не Государь?* Мысль сія ободряла его слабость, и разсудокъ едва оную преодолѣть могъ.

Аге-

Агенорѣ еще преисполненѣ былѣ сими его раздирающими мыслями: какѣ вошелѣ онѣ кѣ Исменѣ, увидѣлѣ, что Государь вступя, упалѣ предѣ нею на колѣни, объявляя, что онѣ ее полюбилѣ, какѣ скоро увидѣлѣ: признавался, что онѣ отѣ нее зависитѣ, заклиналѣ ее соотвѣтствовать ему вѣ любви. Агенорѣ оцепенѣлѣ, со страхомѣ дожидался, что выдетѣ изѣ столь жалостной для него сцены. Исмена удивилась, просила Государя встать; но онѣ еще у ногѣ ея оставался: припомнила она ему знатной его степень. Позабудьте о семѣ, вскричалѣ Государь: рассматривайте во мнѣ только человѣка, которой васѣ любитѣ. На милость отца моего надѣюсь: Не откажетѣ онѣ мнѣ вѣ томѣ, что единственно благополучіе мое составляетѣ . . . Оно отѣ васѣ только зависитѣ. Любезный Агенорѣ, примолвилѣ онѣ, вступитесь за меня, подтвердите, что я люблю . . . Чувства мои, любезная Исмена, ему небезѣизвѣстны: это другой я.

Разговорѣ сей привелѣ Исмену вѣ крайнее замѣшательство: Она потупя глаза̀ закраснѣлась. Агенорѣ не менѣе смущенѣ былѣ; но скоро пришедѣ вѣ себя, увѣрялѣ Исмену о чистосердечномѣ откровеніи Государя. Онѣ васѣ любитѣ, сказалѣ онѣ прерываю-

рыдающимся голосомъ; мнѣ извѣстна его нѣжная склонность; знаю, что и вы достойны того, что онъ для васъ произвесть намѣренъ; престолъ васъ ожидаетъ, вы его больше просвѣтите, и добродѣтели ваши тѣмъ васъ удостоиваютъ.

Исмена взглянувъ на Агенора сказала, что блескъ величества ея не ослѣпляетъ, знаетъ она свою должность, и никогда отъ нее не отступитъ; потомъ скоро вонъ вышла.

Государь пришелъ отъ того въ изумленіе: хотя Агеноръ изъ ея поступка могъ сдѣлать нѣкоторыя лестныя для себя заключенія, однакожъ не смѣлъ на то положиться; примѣтилъ огорченіе своего друга, старался ему подать помощь. Для чего вы безпокоитесь, сказалъ онъ ему: можетъ быть, что чувства къ должности превозмогаютъ ея склонность; ужаснувшись неравенству Государя съ подданной, долженствовала она опасаться вашей страсти. Старайтесь испросить ее у вашего родителя: онъ васъ любитъ, можетъ ли онъ препятствовать вашему благополучію. Владѣніе и величество его довольно тверды безъ политическихъ союзовъ, отъ которыхъ государство всѣ выгоды свои имѣетъ, а Государь терпитъ. Получа его на то соизволеніе,

женіе, найдете вы Исмену не столь робку и осторожну: не устрашится она открыть вамъ свою любовь не могши отъ того отказаться, и что конечно она ужѐ чувствуетъ.

Государь разсужденіемъ своего друга былъ доволенъ, и въ тотъ часъ пошелъ припасть къ стопамъ своего родителя.

Дорюсъ съ трудомъ на то согласился: побужденъ будучи слезами и неотступными прозьбами своего сына, которой получа отъ отца своего дозволеніе, поспѣшалъ увѣдомить о томъ Ориказиса, которой несказанно тому обрадовался, стараясь однакожъ прикрыть свое удовольствіе притворною покорностію. Торопился онъ пріуготовить дочь свою къ судьбинѣ, которая ее ожидала; не сомнѣвался онъ о ея восхищеніи; хотѣлъ онъ научить ее, чтобъ она все то закрыла. Но сколь велико было его удивленіе, какъ онъ увидѣлъ ее нечуствительною при наступающемъ ея возвышеніи. Слушала она его съ неудовольствіемъ, потупляла у-торопленно свои глаза, а потомъ скоро и плакать начинала! Онъ нѣжно ей выговаривалъ, на что она съ покорностію отвѣтствовала: не прогнѣвайтесь, батюшка, благополучіе не всегда бываетъ въ величествѣ. Хотя вы мнѣ приказываете, и должность

мол

мои есть вамъ повиноваться: но ежели я вамъ мила, удалите отъ меня сей бракъ.

Какъ она ето вымолвила, отецъ пришелъ въ отчаяніе, а Государь вошелъ: и не могши удержать свою нетерпѣливость, замѣшательство Орикзиса и слезы Исмены дали ему знать о происшедшемъ: изъяснилъ онъ печаль и огорченія свои въ наипристрастнѣйшихъ выраженіяхъ; потомъ хотѣлъ выдти; Орикзисъ его удержалъ, сказавъ: дочь моя, сколь неблагодарна и нечувствительна вамъ ни кажется, однакожъ знаетъ свою должность и ее исполнитъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Государь, я ничего не хочу отъ ея послушанія, но желаю получить отъ ея сердца; принужденіе учинитъ меня на вѣкъ ненавистнымъ предъ ея глазами. И я самъ себѣ буду несносенъ: А время, любовь и попеченія мои можетъ быть ее тронутъ. Успокойтесь, любезная Исмена, родитель вашъ не употребитъ во зло власть свою: да естьлибы онъ на то и покусился, будьте увѣрены, что я власть мою употреблю къ вашему защищенію. Государь сказавъ сіе вышелъ, нѣсколько минутъ чувствовалъ онъ удовольствіе, оказавъ добродѣтель; успокоился на нѣсколько время, что любовь его была презрѣна, но вскорѣ то вновь почувствовалъ,

что еще больше усугубило его прискорбность.

Въ ето время Ориквисъ позабывъ всю любовь къ своей дочери, и только помышлялъ о своемъ честолюбіи, учинилъ ей найжесточайшіе выговоры: уже онъ больше ее не упрашивалъ, но угрожалъ ей. Зналъ онъ сердца человѣческія, и подозрѣвалъ, конечно она для того отказывала Государю, что любила другаго. Ета мысль вдругъ представившаяся его рассудку преисполнила его свирѣпостію; примѣчалъ онъ взгляды своей дочери какъ скоро кто нибудь къ ней придетъ; не трудно ему было изслѣдовать въ своемъ сердцѣ, что естьли она кого нибудь любитъ, то вѣрно имѣетъ въ томъ повѣреннаго, спрашивалъ онъ у всѣхъ служащихъ ей невольницъ, отвѣты ихъ и его примѣчанія открыли ему, и онъ съ крайнимъ огорченіемъ узналъ, что Агеноръ былъ препятствіемъ благополучію Государя, и его оскорбленному честолюбію: съ той минуты началъ умышлять о его погибели.

Между тѣмъ Государь обремененъ былъ такою жестокою задумчивостію, что жизнь его приходила въ опасность. Не возможно было его отъ того отвратить, убѣгалъ онъ гулянья и веселости, а только печали пре-

да-

дався, ничто его не веселило; люди стали ему противны; одинъ Агеноръ при немъ былъ: присутствіе его стало ему нужно: плакалъ онъ съ нимъ вмѣстѣ и утѣшалъ его. Въ одинъ день поѣхали они на поле, и углубились въ темной лѣсъ, гдѣ напали на нихъ вооруженные люди, одинъ изъ нихъ кричалъ: *Агеноръ, помогай намъ, мы за тебя сражаемся.* Агеноръ устрашась опасности, въ которой былъ его другъ, сталъ предъ нимъ, отводилъ наносимые ему удары, защищалъ его собою и съ такимъ успѣхомъ, что обратилъ въ бѣгъ разбойниковъ, и привезъ во дворецъ Государя.

Любезной другъ, сказалъ ему сынъ Дорюсовъ, отъ какой опасности ты свободился, а я былъ безопасенъ по тому, что притворно на меня нападали, а между тѣмъ на твою жизнь покушались: конечно у тебя есть непріятели, которые болѣе тѣмъ страшны, что они потаенны. Только что онъ рѣчь сію окончалъ, какъ множество солдатъ вошедъ взяли Агенора. Государь вынулъ свою шпагу для защищенія своего друга, но Офицеръ, предводительствующій деташементомъ, объявилъ, что онъ имѣетъ королевское повелѣніе. Хотя сынъ королевской и вѣдалъ, что Агеноръ былъ невиновенъ, но защищеніемъ его мо-

жетъ осудится; простясь съ своимъ другомъ отдалъ его солдатамъ, а самъ прибывъ во дворецъ, упалъ къ ногамъ своего родителя.

Ахъ, сынъ мой! вскричалъ Король его увидѣвъ, Творецъ совершилъ свое опредѣленіе; успокоилъ онъ тебя и твоего отца; жизнь твоя теперь въ безопасности; измѣнникъ, умышляющій противъ тебя, попался; предсказаніе было, что драгая рука на тебя вооружится; нещастной Агеноръ былъ другъ твоему сердцу, товарищъ твоей младости: я самъ его любилъ; онъ на жизнь твою покусился; убійцы то открыли при сраженіи; одинъ изъ вѣрныхъ слугъ то слышалъ, онъ нарочно тебя защищалъ, чтобъ его не обвинили: измѣнникъ въ томъ уличенъ, преданъ уже мнѣ на отмщеніе, и скоро погибнетъ. Милостивой Государь, батюшка, отвѣчалъ молодой принцъ: не подозрѣвайте Агенора, не нарушайте самую добродѣтель: васъ обманываютъ, самъ я былъ на сраженіи, и одинъ могу дать о томъ точное удостовѣреніе; на его жизнь покушались: а онъ меня защищалъ; вѣдаю я достоинства моего друга; злодѣи, клевещущіе на него, конечно сами о честности его знаютъ, и не могши ему подражать, отъ зависти погубить его ищутъ.

Пока

Пока молодой Государь упрашивалъ о своемъ другѣ, слухъ о затѣянномъ умыслѣ Агенора распространился по всему городу; народъ, собравшійся ко дворцу, требовалъ отмщенія, а Государь, чтобъ усмирить возмущеніе, приказалъ казнить Агенора.

Какъ комнаты Исмены удалены были отъ дворца, то и узнала она о семъ приключеніи послѣ всѣхъ. Великое она въ томъ принимала участіе. Первое свѣдѣніе о томъ совсѣмъ ее сразило; упала она въ сильной обморокъ; нѣсколько время была отчаянна. Но пришедъ въ чувство, начала она разсуждать о семъ нещастномъ приключеніи, догадывалась, откуда ударъ сей происходилъ; неограниченная власть отца ея въ ужасъ ее приводила: не сомнѣвалась она, чтобъ вскорѣ не совершилъ ужаснаго своего предпріятія. Обвиняла она себя въ нещастіи Агенора, открывъ страсть, которую онъ ей внушилъ. А какъ она отчаявалась въ томъ имѣть успѣха, то и долженствовала она то скрывать какъ можно.

Раздираема будучи сими мучительными размышленіями, предпріяла Исмена свободить Агенора отъ опасности, въ которую она его ввергала. Забывъ свой полъ и знатность, поспѣшила она въ темницу, въ которой былъ заключенъ ея любезной;

именемъ отца своего въ оную она входила, стражи ей не противились: и вступя туда достигла она до нещастнаго любви ея предмета.

Открой свои глаза, сказала она ему: взгляни на меня Агеноръ, въ сію ужасную минуту нахожу я случай открыть тебѣ мою любовь. Къ нещастію я тебя полюбила, отецъ мой противъ тебя восталъ; тщеславіе его на смерть тебя осудило, въ надеждѣ, что я потомъ возведена буду на престолъ, которой я ненавижу. Онъ вооружилъ разбойниковъ, которые притворно искали убить молодаго Государя, сказавъ, будто ты ихъ научилъ. Я все тебѣ открыла: теперь самъ можешь оправдаться; въ твоей власти судьба твоего злодѣя, но вздумай, что сей жестокой мнѣ отецъ!

Сей освященной титулъ, отвѣчалъ Агеноръ, навсегда въ памяти моей пребудетъ: пускай отецъ твой живетъ, я дни его предпочитаю моей жизни. Какъ открытіе сей тайны подвергнетъ его опасности къ сохраненію моему, а вы придете у него въ ненависть, по тому и тайны сей я никому не открою: не выдетъ она изъ сердца, которому вы повѣрили, во гробъ съ нимъ она пойдетъ. Прекрасная Исмена! позабудьте любовь, осужденную богами, меня

ня наказующими: живите для царствованія; будьте благополучны съ Государемъ, добродѣтелію вамъ соотвѣтствующимъ.

Вступленіе Государя его остановило, по многихъ затрудненіяхъ выпросилъ онъ отсрочку казни Агенора до другаго дня, поспѣшалъ въ тюрьму, въ которую вошедъ, бросился въ объятія своего друга; восторгъ сей не препятствовалъ ему увидѣть Исмену; остановился онъ отъ удивленія; лице его смертельною блѣдностію покрылось; кровь въ жилахъ его леденѣла; хотѣлъ онъ говорить: но не находилъ выраженій. Глубокое молчаніе соединясь съ ужасомъ сего мѣста, казалось, еще болѣе то усугубляло. Агенорь потупилъ глаза̀, Исмена въ дальней уголъ отступя, всуе старалась скрыть смущеніе свое и страхъ. Государь напередъ говорить началъ, но слабымъ и прерывающимся голосомъ: что я вижу! Агенорь! Исмена! какою страшною раною уязвляете вы мое сердце! Какое особливое намѣреніе могла привлечь сюда дочь Ориксиса? Чего вы пришли искать въ мѣста̀, гдѣ пребываютъ отчаяніе и опасность? Я пришла посѣтить моего Друга, узнала, что онъ въ оковахъ, осужденный на смерть: я обязана пода́ть ему помощь . . . Ето моя любезная, которая пришла его утѣшить . . . Ко-

нечно вы оба меня забыли? . . . Боже! чаялъ ли я найти измѣнника въ другѣ, котораго я хотѣлъ спасти жизнь, или съ нимъ умереть вмѣстѣ.

Постой, отвѣчалъ Агеноръ, оставь нещастнаго судьбинѣ его постигающей; не унижай его укоризнами. За минуту предъ симъ чаялъ я умереть спокойно; но ты теперь даешь мнѣ испытать, сколько смерть ужасна, по тому что я умираю подозрительнымъ своему другу. Государь, выслушай меня, осмѣливаюсь еще говорить при концѣ моей жизни; правда, что я люблю Исмену: естьли любовь моя оскорбленіе, то оно не въ моей волѣ. Вскорѣ лишитесь вы соперника, котораго, можетъ быть, вы обвиняете въ своемъ сердцѣ, что онъ покушался на жизнь вашу; будетъ время, что вы вспомните о моемъ нещастіи, и пожалѣете: откроете вы послѣ злодѣйство моихъ непріятелей; но мой предѣлъ совершился, я подвергаюсь его жестокости, а оставляю времени меня оправдать и отмстить за мою честь.

Пока все сіе въ тюрьмѣ происходило, Дорюсъ узнавъ, что сынъ его и Исмена пошли къ Агенору, послалъ гвардіи своей Офицера съ повелѣніемъ, чтобъ они оттуда вышли подъ опасеніемъ его гнѣва.

О-

Офицеръ пришелъ въ то самое время, какъ Принцъ сжалившись обнялъ Агенора, прося прощеніе въ несправедливомъ своемъ подозрѣніи. Ревность, происшедшая отъ нечаяннаго присутствія Исмены, уступила нѣжнымъ чувствамъ и сожалѣнію о нещастномъ состояніи своего друга, которой все то слезами только показать могъ. Принцъ поднималъ его оковы, чтобъ ему облехчить бремя; позабылъ прежнія смущенія, спрашивалъ онъ Исмену, что ему предпріять для спасенія друга своего отъ смерти. Дочь Орикзиса въ горести и отчаяніи только рыдала; Офицеръ безполезно докладывалъ имъ приказъ королевской, чего они не внимали; вящшая польза занимала ихъ мысли; самъ Агеноръ принужденъ былъ напомнить имъ ихъ должность, и увѣщевалъ ихъ къ повиновенію. Оставьте меня, сказавъ онъ имъ: послушайте, нещастія мои совершаются; я ето вижу, и взираю на то равнодушно; невинность моя меня подкрѣпляетъ; естьли ложь повредитъ мою память, то молодой Государь будетъ мнѣ защитникъ: оправдаясь предъ нимъ, что мнѣ нужды до пустыхъ разсужденій прочихъ? Въ послѣдни съ вами прощаюсь: объ васъ только жалѣю: удалитесь отсюда, не повредите себя прогнѣвавъ Государя: онъ васъ зоветъ, вы мо-

жете также обвинены быть вашимъ непослушаніемъ.

Государь обнявъ его орошалъ своими слезами; робкая Исмена не могла открыть своей любви; вздыхала она отъ принужденія происходящаго отъ присутствія Государя; но естьли уста ея были нѣмы, то глаза ея довольно краснорѣчивы были! Агеноръ ихъ разумѣлъ, и его глаза показывали то, что отвѣчать было должно: не плачьте обо мнѣ, вы меня любите: смерть, угрожающая меня, въ сожалѣніе васъ приводитъ и побуждаетъ васъ открыться мнѣ въ томъ: мнѣ это очень пріятно, и я благополучіе свое въ томъ вижу.

Наконецъ надобно было разстаться, Исмену отнесли умирающую въ ея покои; Государь предался глубокой задумчивости, размышляя о судьбѣ своего друга, не пошелъ онъ къ родителю, и во весь день во дворецъ не являлся; отсутствіе его причитали горести, которую и отецъ его уважалъ.

Агеноръ одинъ разсуждалъ самъ съ собою: думалъ онъ нѣсколько о прекрасной Исменѣ, чувствовалъ удовольствіе быть любимымъ, и вдругъ изъ сихъ лестныхъ размышленій перешелъ въ плачевныя, соотвѣтствую-

ствующія его состоянію, готовился онъ къ смерти, употребя последнія минуты на молитву о благоденствіи Государя своего друга, и Исмены.

Въ последующій день поставленъ былъ эшафотъ, на которомъ надлежало казнить Агенора, на главной площади столичнаго города. Народъ со всехъ сторонъ туда собрался, желая видеть казнь, наполняющую его страхомъ и сожаленіемъ, отъ чего онъ трепеталъ безпрестанно. Ожидалъ съ нетерпеливостію, что осужденный явится. Наконецъ увиделъ въ некоторомъ разстояніи покрытую кибитку, которая тихо сквозь народъ подавалась, будучи окружена попами. Суетящійся народъ со всехъ сторонъ смотреть збирался, чиня въ проезде остановку.

Какъ подъехали къ месту казни, Агеноръ съ твердостію и веселымъ видомъ всходилъ на эшафотъ. Шумъ во многомъ числе собравшагося народа умолкъ: ужасная тишина наступила, всехъ взоръ устремился на осужденнаго: сей непостоянный народъ, которой на кануне испрашивалъ его казни, которою ускорялъ не давно, сжалился, увидя его на эшафоте, чая поправить пустою своею жалостію прежнее свое жестокосердіе.

Вдругъ

Вдругъ услышали вдали шумъ и замѣшательство; толпа конныхъ и совсѣмъ вооруженныхъ людей прискакала на мѣсто; открыли себѣ путь; народъ убѣгая раздается предъ ними; гвардія, стоящая около эшафота, видитъ сей безпорядокъ, сводитъ осужденнаго, и покушается съ нимъ уйти. Вступаютъ въ бой: деташементъ королевской гвардіи приходитъ на помощь; самъ Дорюсъ побужденной симъ дерзновеніемъ предпринимаетъ оное наказать, и тудажъ слѣдуетъ; незнакомые всадники поспѣшаютъ предупредить его прибытіе; хотятъ свободить Агенора; сражаются, оружіе блистаетъ, кровь проливается съ обѣихъ сторонъ, незнакомые дѣлаются побѣдителями, главный ихъ ободряясь побѣдою, въѣжжаетъ въ средину непріятельскихъ войскъ, чтобъ свободить Агенора; бросились на встрѣчу смѣлаго сего воина: великое число его обременяетъ; данъ былъ ему смертельной ударъ, отъ котораго упадаетъ онъ мертвой, остальныя его войска положа ружье съ ужасомъ кричали, что вы сдѣлали злодѣи! ето Дорюсовъ сынъ, поверженной предъ вашими ногами.

Солдаты изумясь и отъ ужаса остановились; одинъ изъ ихъ Офицеровъ подошедъ къ тѣлу, которое ему показали, рука его дрожала

жала снимая оружіе, а по снятіи шлема узнали съ огорченіемъ государскаго сына.

Вопль всѣхъ военныхъ совокупно съ збѣжавшимся народомъ раздавался повсюду: плачевное сіе приключеніе переходило отъ одного къ другому, скоро дошло и до самаго Государя; удивленіе и скорбь его были несказанны; пребываетъ онъ нѣсколько время въ исступленіи; проливаемыя слезы были знакомъ его жизни; наконецъ сталъ онъ говорить: я познаю десницу Вышняго, напрасно старался я отвращать сіе нещастіе; сколь страшенъ гнѣвъ божій! я не только потерялъ своего сына... Но еще самъ былъ причиною его смерти: воспитанный въ пустынѣ, одного имѣлъ онъ у себя друга; неблагодарной измѣнилъ ему; я осудилъ его къ смерти.... Но лишился сына!

Отъ перваго сего волненія не внемлетъ онъ болѣе ничему, какъ только печали и отчаянію; презираетъ онъ суетные обряды, которыхъ сынъ его отъ него требуетъ; бросается изъ колесницы вонъ, и идетъ блѣденъ, трепещущъ, едва держася на ногахъ на мѣсто битвы. Всѣ придворные за нимъ туда же слѣдуютъ; Ориксисъ, коего предосудительное честолюбіе было виною сего нещастія, идетъ тихими стопами,

тами, терзаемъ угрызеніями совѣсти; представляя ужасъ слѣдствій своего коварства. Но самъ себя наказываетъ учиня недостижимымъ для дочери своей тотъ самый престолъ, на который онъ желалъ возвесть ее; сохраняетъ свирѣпое молчаніе; скорбь обременяетъ его ужасно.

Между тѣмъ Король приходитъ, толпа народа возмущенная съ слезами на него взираетъ; раздѣляетъ съ нимъ его мученія, изъявляя плачемъ.

Дорюсъ не могъ смотрѣть на умершаго своего сына, силы его ослабѣвали; упадаетъ на тѣло его на землѣ распростертое, старается согрѣть его въ своихъ объятіяхъ; старанія безполезны, вскричалъ онъ! нещастный юноша! зловредное дружество! сохраняя жизнь твоего убійцы, лишился ты своей; но я за тебя мстить буду.

Онъ уже опредѣлилъ наказаніе Агенору; но въ гнѣвѣ изыскивалъ, какою казнію жесточѣе его наказать, и желая поскорѣе свободиться отъ несноснаго предмета, всю печаль ему наносящаго, приказалъ палачу взять его, какъ вдругъ предсталъ предъ него первосвященникъ, Государь и народъ оному удивились, оной сдѣлалъ знакъ рукою, и шумъ прекратился, въ безмолвіи

ожидали, что онъ представитъ. Первосвященникъ оборотясь къ Королю, говорилъ ему слѣдующее:

Не плачь Государь, сынъ твой еще живъ; трупъ, объемлемой тобою, не отъ твоей крови; онъ безъизвѣстной, которому боги опредѣлили умереть за твоего сына.

По словамъ симъ вынулъ онъ изъ пазухи грамоту, и отдалъ Дорюсу, объявляя ему: прочти, и узнавай руку. Государь дивился слышанному, трепеща, въ изумленіи и отчаяніи беретъ рукописаніе, и развернувъ узнаетъ руку Королевы, своей супруги, удивленіемъ объемлемъ, глядя на первосвященника, читаетъ слѣдующія рѣчи:

„Я умираю, и послѣднее чувство сердца моего была опасность о предъидущей судьбинѣ сына моего: побуждаема будучи страхомъ симъ, уговорила я кормилицу подложить бѣднаго младенца, оставленнаго своими родительми, а сына королевскаго возрастить вмѣсто своего собственнаго, подъ именемъ Агенора, котораго я на свѣтъ произвела; онъ-то истинной наслѣдникъ престола, котораго представляетъ Королю и всему государству, умирающая его мать и жена

„ко-

„королевская: оное объявленіе писано „и подписано моею рукою, и препоручено первосвященнику; запретила я ему сохранить оную тайну до тѣхъ поръ, пока нужду востребуетъ открыть оную.„

Болѣе ничего Вашему Величеству донесть не имѣю, объявлялъ первосвященникъ, какъ Дорюсъ все прочелъ, первосвященникъ говорилъ: я скрывалъ отъ Вашего Величества по сіе время то, что написала Ваша супруга. Я ожидалъ времени, какъ предсказаніе совершится; видѣлъ я сына Вашего обвиняема преступленіемъ, въ которомъ онъ былъ невиновенъ; видѣлъ, что *дражайшая рука противъ сего вооружалась*: это были Ваше Величество, а я *удержалъ ударъ сей*, которой вы совершить приказали; сынъ Вашъ открылся; судьба его впредь будетъ благополучна; предсказаніе совершилось; поклонись Богу, покаряйся его власти, благослови ее, и благодари за его человѣколюбіе.

Агеноръ, преисполненный удивленіемъ и радостію, упадаетъ къ ногамъ своего родителя. Ахъ, любезной мой родитель! сказалъ онъ ему: естьли я дѣйствительно теперь Васъ столь нѣжнымъ именемъ назвать могу, естьли я отъ Васъ рожденъ, и подлинно Вашъ сынъ, дозвольте увѣрить

Васъ,

васъ, что я того не недостоинъ! выслушайте мое оправданіе: я спасенъ вашими подданными, самимъ собою и безвинно умершимъ моимъ другомъ. Мнѣ умереть было не страшно, и жизнь была мнѣ несносна, когда подозрѣваемъ я былъ въ преступленіи. Естьлибъ я умеръ, тобы конечно былъ жертвою тщеславія и жестокости; Ориксисъ все исполнилъ, раскаяніе его будетъ ему въ наказаніе. Я любилъ его дочь: но какъ природа моя была безъизвѣстна, то гордость взирала на низкость съ пренебреженіемъ; прекраснаяжъ Исмена удостоила меня своимъ взоромъ; предпочитала она Агенора носящему титулъ вашего сына, которой съ вашего дозволенія вручалъ ей себя и корону. Вотъ все мое преступленіе: вотъ и причина, за что Ориксисъ искалъ моей погибели. Онъ подкупилъ бездѣльниковъ, которые на меня взвели, будто я ихъ вооружалъ: выдумка его произвела ужасныя слѣдствія; онъ умертвилъ моего друга; онъ обагрилъ кровію престолъ Величества; привелъ Государя въ умыселъ, доведя его до нещастія, что онъ омочилъ руки свои въ невинной крови.

Пока онъ говорилъ, всѣ обратили взоръ свой на Ориксиса. Сей министръ былъ нѣсколько время неподвиженъ, потупя глаза

вЪ землю, не говоря ни слова; вдругЪ какЪ будто опамятовался, выдернулЪ свою шпагу, и сталЪ сЪ поспѣшностію предЪ Государя. ДорюсЪ, сказалЪ онЪ ему, дочь моя невинна, а я наказываю виноватаго. По сихЪ словахЪ уязвилЪ онЪ себя вЪ грудь.

Король не оставляетЪ безЪ сожалѣнія потерю такого Министра, которой отмѣннымЪ себя наказаніемЪ открылЪ, сколь велико было его преступленіе. Удовольствіе находить вЪ Агенорѣ сына и достойнаго наслѣдника, скоро истребило изЪ мыслей его всѣ нещастія; наслаждался онЪ благополучіемЪ, что его нашелЪ, забылЪ все, что прежде было.

АгенорЪ на память своего друга воставилЪ монументЪ вЪ томЪ самомЪ мѣстѣ, гдѣ онЪ прекратилЪ свою жизнь. УсладилЪ печаль Исмены совершенною кЪ ней любовію; и какЪ скоро обстоятельства дозволили, согласилЪ онЪ ее на бракЪ, которой былЪ источникомЪ ея собственнаго и всей имперіи благополучія.

КОНЕЦЪ СКАЗКИ.

ЕМИ-

ЕМИЛІЯ,

или

УСИЛЕННАЯ ЖЕРТВА.

ПОВѢСТЬ.

Изъ всѣхъ страстей, волнующихъ сердце человѣческое, нѣтъ бѣдственнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ честолюбія, которое овладѣвъ человѣкомъ, мучитъ его, затмѣвая всѣ другія чувства, и отвлекая естество и человѣчество, коихъ уже безсильные вопли неслышны.

Дорваль пріобрѣтши торгомъ великое богатство, въ спокойствіи онымъ наслаждался.

ся. Супруга, возлюбленная имъ, и двѣ дочери Маріанна и Емилія, составляли все его сѣмейство. Почитался онъ щастливѣйшимъ отцомъ; супруги завидовали его судьбинѣ; ничто не могло нарушать его благоденствія. Жилъ онъ въ пріятной тишинѣ: полезное употребленіе его богатства доставляло ему всеобщее почтеніе; нещастной не напрасно просилъ у него помощи. Благодѣянія его всѣхъ къ нему обращали; и самая неблагодарность его не отвращала; всѣ честныя сердца его прославляли и самая зависть принуждена была его почитать. Почему Дорваль былъ благополученъ, и отъ него зависѣло навсегда таковымъ остаться.

Маріанна вступая въ дватцатой годъ, присоединяла къ блистающей красотѣ пріятности разума: множество любовниковъ доступу къ ней искали: но ни одинъ не могъ ее прельстить: казалось, что сердце ея зависѣло отъ рѣшительнаго выбору ея родителей. Емилія моложе ея двумя годами, не столько пригожа и стройна, со всѣмъ тѣмъ пріятнѣе; нѣжность была основаніемъ ея нрава; глаза ея изображали чувствительность ея души; познавала она необходимость любить, но разсудокъ учреждалъ сіе тайное движеніе; никого она не отличала не изслѣдовавъ. Разсматривала тѣхъ, которые иска-

ли.

ли ей нравиться: пріятности ихъ иногда ее прельщали, но заблужденіе не долго продолжалось, рассудокъ оное испровергалъ. Емилія хотѣла быть любимою, такъ какъ она чувствовала сколько она сама себя любила. Нѣжность ея предохраняла отъ такого выбора, которымъ бы она могла быть нещастлива; неизвѣстность сія наконецъ рѣшилась. Валкуръ ей былъ представленъ, рожденный отъ почтенной фамиліи, назначенный заступить знатное мѣсто въ своей провинціи, почтенный отъ своихъ знакомыхъ; нѣжной его нравъ, великодушіе и склонность къ добру извѣстны были Емиліи; она не безъ смущенія на него смотрѣла, желала она, чтобъ онъ ее любилъ, и желаніе ея совершилось.

Валкуръ былъ чувствителенъ, сердце его искало предмета, которымъ бы онъ былъ занятъ; онъ и нашелъ то въ Емиліи, не опасаясь открыть ей страсть свою, изъяснился онъ ей нѣжно, искренно, и съ горячностію истинною, а не сластолюбіе изъявляющею. Емилія въ томъ не обманулась; отвѣтствовала на то вольно, безъ притворной гордости или строгой благопристойности, въ чемъ добродѣтель не имѣетъ нужды.

Ничто не препятствовало благополучію сихъ двухъ любовниковъ; всѣ обстоятель-

тельства соотвѣтствовали ихъ пользѣ. Дорваль и его супруга согласны были на ихъ союзъ, старались притомъ, чтобъ и Маріаннѣ женихъ сыскался, дабы оба брака торжествовать вмѣстѣ, сдѣлать дѣтей своихъ щастливыми, и веселиться ихъ благополучіемъ. Оной распорядокъ, прельщающій ихъ, только что расположенъ былъ, какъ вдругъ намѣреніе ихъ перемѣнилось, отъ честолюбія и нещастіе судьбину ихъ рѣшило.

Маркизъ Миранвиль пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцовъ къ своей родственницѣ, живущей въ томъ же городѣ, гдѣ и Дорваль находился. Предки сего Маркиза при прежнихъ Государяхъ были въ великой знатности, а ему въ наслѣдіе только имя ихъ и память знатности остались. Маркизъ менѣе сожалѣлъ о ихъ добродѣтели какъ о ихъ богатствѣ; онъ бы всѣмъ жертвовалъ къ пріобрѣтенію сего послѣдняго. Скоро однакожъ узналъ онъ о богатствѣ Дорваля, и жаловался на несправедливость судьбы, которая къ досадѣ его награждала простаго и безчиновнаго мѣщанина; но онъ забылъ, что оной мѣщанинъ великими трудами все то нажилъ. Вознамѣрился онъ къ себѣ присвоить его имѣніе; сдѣлавъ честь Маріаннѣ, сталъ къ ней свататься: льстился, что Дорваль не раздумаетъ купить

пить сей союзъ всѣмъ своимъ имѣніемъ; да сверьхъ того еще и великимъ одолженіемъ обязанъ ему будетъ. Онъ сообщилъ сіе намѣреніе своей родственницѣ, которая его за то похваляла; однакожъ сомнѣвалась о успѣхѣ. Честность Дорваля ей была извѣстна; рассудила она, что много надобно употребить искусства и бережливости въ ономъ дѣлѣ, котораго она на себя взяла производство.

Между тѣмъ, какъ Маркизъ открывалъ страсть свою Маріаннѣ, госпожа Де .... рассѣвала слухъ по городу, что одинъ государственной весьма богатой казначей, искавшій прославиться знатнымъ союзомъ, просилъ неотступно ее склонить ея родственника жениться на его дочери; хвастая всѣми выгодами имъ предложенными, обѣщая выкупить герцогство, принадлежавшее до сего Маркизу. Показывала она, будто ненасытно желала совершенія такого союза, которой приводилъ ихъ въ прежнее цвѣтущее состояніе, которымъ еще предки ихъ наслаждались.

Всѣ въ городѣ о новости сей рассуждали; всѣмъ извѣстны были преимущества Маркизовы и права къ достиженію большей знатности. Удивлялись только тому, для чего онъ мешкалъ окончаніемъ толь

полезнаго дѣла. Искали причины безпристрастія его въ любви къ Маріаннѣ. Оной союзъ былъ бы для него также пристоенъ, естьлибъ она была одна дочь, и тѣмъ бы не раздѣлилось отцовское имѣніе на разныя части, могла бы она тогда произвесть желаніе въ Маркизѣ. Равныя ея, завидующія ей, радовались, что у ней была сестра.

Дорваль услыша сей народной слухъ, и ослѣпясь пышностію сего союза, внутренно сожалѣлъ, что не одну имѣлъ у себя дочь. Какую бы онъ чувствовалъ радость, естьлибъ дочь его была Герцогиня! Размышленія о великолѣпіи и знатности безпрестанно его тревожили, но онъ никому въ томъ не открывался; жена его менѣе расcудлива нежели тщеславна; безпрестанно о томъ ему говорила, усматривала она свою честь и щастіе въономъ союзѣ; радовалась, что могла бы покорить всѣхъ женщинъ своей провинціи, желала она сего союза своей дочери съ Маркизомъ, которой скоро могъ быть Герцогомъ; ей казалось, что возвышеніе Маріанны и ее бы прославило. Дорваль слыша сіе радовался; тщеславіе его усиливалось, желанія умножались, наконецъ приходилъ отъ того въ крайнюю задумчивость. Маркизъ примѣтя внутренныя движенія своего сердца, и изслѣдовавъ

оныя,

рныя, открылся въ томъ госпожѣ Дорваль, которая приняла оное такъ какъ ему хотѣлось; онъ объявилъ ей о любви своей къ Маріаннѣ, и что онъ намѣреніе имѣетъ на ней жениться. Сіе чрезвычайно встревожило госпожу Дорваль; надежда въ ней возрастала, увѣдомила она о томъ своего мужа, которой не менѣе тому порадовался. Они не умолчали отъ радости, открылись всѣмъ своимъ пріятелямъ, что Миранвиль предпочитаетъ Маріанну той особѣ, которую ему въ супружество представляли: пріятели ихъ были нескромнѣе; сватанье Маркизово скоро всѣмъ стало извѣстно. Госпожа Де . . . . . только того и дожидалась, чтобъ все дѣло кончить, казалось, будто она послѣ всѣхъ о томъ спознала; показывала, будто о томъ сожалѣетъ; упрекала своего родственника, для чего онъ не посовѣтуя съ ней въ томъ поторопился; старалась она, чтобъ сіи выговоры всѣ слышали; увѣщевала Маркиза, чтобъ онъ рассмотрѣлъ свое состояніе, и сравнявъ оныя два союза, не жертвовалъ бы любви тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ своему имени и фамиліи, которая никогда терпѣть не будетъ того, чтобъ онъ себя погубилъ, такъ какъ было онъ сдѣлалъ. Естьлибъ Маріанна была одна, то бы и говорить не о чемъ, я бы ее также предпочла какъ и ты; но Емилія весь-

ма уменьшить ея достатокъ; по всему долженъ ты оставить свое намѣреніе, позабыть любовь: одно еще могло бы тебя польстить въ ономъ предпріятіи: ежели бы Емилія приняла уединенную жизнь; но тебѣ сего желать не надобно, сколько бы я тебѣ добра ни хотѣла, а того бы совѣтовать не посмѣла.

Опыя рассужденія всѣми подкрѣплены были. Маркизъ ничего не отвѣтствовалъ; казался быть убѣжденнымъ, но внутренно тѣмъ безпокоился.

Дорваль съ своей супругой узнали о происшедшемъ, и о всемъ, что говорено было; изыскивали средства къ отвращенію являющихся препятствій ихъ намѣренію; и другаго ничего не придумали, какъ и госпожа Де . . . объявляла, чтобъ жизнь Емиліи посвятить уединенію; госпожа Дорваль тотчасъ оное сочла за нужное, и хотѣла то исполнить безъ отлагательства; супругъ ея съ нею былъ въ томъ согласенъ, но не безъ сожалѣнія: она вскорѣ зачала выхвалять монашескую жизнь, что тамъ царствуетъ тишина; увѣряла, что это лучшее состояніе для Емиліи, и заключила тѣмъ, что она будетъ щастлива.

Въ то время Маркизъ пріѣхалъ, въ глазахъ его видно было огорченіе, и сердце его

смущалось, Дорваль думалъ, что причиною тому были выговоры госпожи Де . . . . старался его въ томъ утѣшить, сказавъ ему, что онъ положилъ для него сдѣлать. Маркизъ приносилъ ему за то чувствительную свою благодарность, но вздохнулъ о сдѣланной жертвѣ, объявляя, что безъ того фамилія его никакъ бы къ благополучію его не согласилась. Дорваль обнадеживалъ, что это дѣло кончено; тотъ же часъ сталъ дѣлать учрежденія къ сему браку; не забылъ и о герцогствѣ, о которомъ была рѣчь, принялъ на себя всѣ необходимыя на то издержки, и принуждалъ Миранвиля выпросить въ томъ дозволеніе у Государя. Жена его, обрадованная чрезвычайно, рассуждала о обстоятельствахъ великолѣпія, и увѣщевала своего мужа, чтобъ онъ съ своей стороны ничего не оставилъ за преимущество сдѣланное Маркизомъ ихъ дочери противъ другой невѣсты: какъ скоро все распоряжено было такъ какъ ей хотѣлось, старалась она уговорить Емилію удалиться въ монастырь.

Сія нещастная не знала еще готовившейся для нее участи; но знала, что сестрѣ ея приуготовлялось; она безъ зависти на оное смотрѣла; предпочитала она Валкура чинамъ и достоинствамъ; радовалась

Ма-

Маріаннину замужству, которое и ея супружеству поспѣшествовать может; но никогда не думала, чтоб от того мог ей послѣдовать вред; разговаривала она с своим любезным о своем наступающем союзѣ; и оба упражнялись в сих рассужденіях; взаимно сообщали друг другу о будущем своем благополучіи; обнадеживались быть друг другом щасливы. Рассуждали о предбудущем; с удовольствіем заблаговременно чувствовали предвидущее свое благополучіе, надѣялись вести жизнь пріятную и спокойную: но надежда их обманула, самым дѣлом того не сбылося, и благополучіе, которым они ласкались, было только мечтою.

Валкур пошел домой; Емилія будучи одна, думала о своем любезном, услаждая его отсутствіе, с восхищеніем говорила: скоро уже он оставлять меня не будет; мы вмѣстѣ станем жить, всегда вмѣстѣ будем находиться; безпрестанно буду его видѣть; не буду оплакивать его отсутствія; не буду ожидать его возвращенія; мы скоро соединимся; ничто не будет препятствовать мнѣ оказать ему всякіе опыты моей любви; ласки мои будут должностію; от него их буду принимать не краснѣя; не буду опасаться не

скро-

скромныхъ тому свидѣтелей; цѣлой свѣтъ похвалитъ наше благополучіе.

Какъ Емилія симъ нѣжнымъ разсужденіямъ предавалась, то мать къ ней вошедъ, отъ того удержала. Дочь моя, сказала она ей: какъ я всегда тебя любила, то теперь время соотвѣтствовать тебѣ моимъ чувствамъ, и дать опыты твоего усердія. Щастіе все снизпослало отцу твоему, и готовится уже довершить все оное; Маркизъ Миранвиль дѣлаетъ намъ честь своимъ союзомъ, желая жениться на Маріаннѣ; возвыситъ онъ ее на такой степень знатности, о коемъ мы никогда подумать не смѣли; блестящій путь щастія ей отверзается; знатность, долженствующая ее окружать, и на насъ простираться будетъ; намъ должно заслуживать славу, къ которой Маркизъ насъ призываетъ. Всего нашего имѣнія не довольно чтобъ ему за то заплатить; мы должны стараться ему сдѣлать тѣ же выгоды, которыя ему доходили отъ другаго брака, и Маріанна инако его недостойна, какъ со всѣмъ нашимъ имѣніемъ; ты знаешь, что ежели ты будешь требовать своей части, то испортишь всѣ наши хорошія расположенія: мы надѣемся, что ты препятствовать тому не будешь. Ахъ! матушка, вскричала Емилія: вы думаете, что

корыстолюбіе можетъ побудить мое сердце? Батюшка властенъ въ своемъ именіи, и можетъ онымъ располагать по своей волѣ, мнѣ ли въ томъ противорѣчить? Я извѣстна о его и вашей ко мнѣ любви; вы сами учреждайте моимъ щастіемъ: какова бы моя участь ни была, но вы ее совершите, то мнѣ всегда оная будетъ пріятна и драгоцѣнна. - - По сему безпристрастію узнаю я свою дочь, и ея послушаніе нашей волѣ; я съ сожалѣніемъ ей объявляю, что часть ея весьма ограниченна, и недостаточна чтобъ ей жить въ свѣтѣ; ей остается выбирать лучшее для себя состояніе, и другаго имѣть не можетъ, какъ дѣвическую и уединенную жизнь. Такъ дочь моя, сказала она, примѣтя Емиліино удивленіе, ты въ монастырь назначена; ты скоро узнаешь тамошнія преимущества; дни твои протекать будутъ въ покоѣ, ты съ Богомъ бесѣдовать будешь, и сожалѣть о нещастныхъ прилѣпившихся къ свѣту, и преданныхъ бѣдствіямъ ихъ окружающимъ. Ты возблагодаришь насъ за стараніе наше о твоемъ благополучіи. Что я слышу? Праведное небо! вскричала жалостно Емилія! вы ли мнѣ это говорите, матушка? Какое вы сдѣлали со мной опредѣленіе? Не такое ли намѣреніе и батюшки? Развѣ вы забыли, что Валкуръ . . . . Вы его мнѣ назначили; сердце

мое не мнѣ принадлежитъ, и я имъ болѣе не владѣю; увы, я его съ вашего согласія отдала Валкуру! —— . Естьли ты намъ тогда повиновалась, то и теперь будь послушна; и какъ первое приказаніе исполнила, такъ и по второму ожидаемъ твоего повиновенія. —— . Ахъ, матушка! можете ли вы?... —— . Дочь моя, я ужѐ тебѣ сказала, что нѣкоторая важная польза принуждаетъ насъ оставить Валкура; мы дали слово Маркизу; состояніе, о которомъ я тебѣ сказывала, и въ которое ты вступить должна, принято за основаніе нами сдѣланнаго договора. Поди, и готовся чрезъ два дни къ отъѣзду, и соотвѣтствуй сему твоимъ послушаніемъ.

Какое заключеніе! какой громовой ударъ нанесенъ Емиліи! въ то время, какъ она ласкала себя наичистѣйшимъ благополучіемъ, велятъ ей отъ онаго отступать; надлежитъ оставить Валкура, убѣгать его вѣчно, позабыть его любовь, восставить между имъ и собою вѣчную преграду. Самолютѣйшая смерть сноснѣе бы ей показалась; перенесетъ ли она такую потерю! да и самъ Валкуръ? Знаетъ она его сердце, представляетъ его ужѐ себѣ раздирающагося отъ горести и отчаянія, странствующаго около ужасныхъ стѣнъ ее заклю-

чаю-

чающихъ, выпрашивая ее безпрестанно, клича ее громко, заклиная ее не соглашаться ужасной жертвѣ отъ нее требующейся. Ахъ! естьлибъ она только любви своей слушалась, моглабы она еще спасти себя отъ гоненій, и найти въ другомъ мѣстѣ убѣжище отъ мученія. Сія мысль воспаменяетъ еще смущенной ея рассудокъ: она вѣдаетъ тщеславіе своихъ родителей; чувствуетъ, что навсегда любовь ихъ къ себѣ потеряла, и отвратила сердце ихъ отъ своихъ жалобъ: она почти готова была оставить сихъ варваровъ вознамѣрившихся ею жертвовать; но вопль натуры, гласъ закона, освященное обузданіе честности, терзающія ее подъ тяжестію ихъ власти; то какое сдѣлать предпріятіе? Къ кому прибѣгнуть для отвращенія грозящаго ей удара? Неукротимая ея мать потребуетъ послушанія; отецъ присовокупитъ къ тому свои повелѣнія; лишенная всей подпоры; она извѣстна, что оба они обще приняли пагубное сіе намѣреніе, и въ такомъ случаѣ гдѣ тщеславіе ими совершенно овладѣло, остается ей ожидать жестокаго и насильственнаго поступка! въ семъ мучительномъ ея состояніи вступаетъ она въ комнаты своей сестры, являетъ ей свои слезы, отчаяніе, умоляетъ ея великодушіе, заклинаетъ ее съ воплемъ проницающей

души,

души, побуждающимъ сердце не оставить ее въ такомъ нещастномъ состоянии, посовѣтовать съ нею, помочь смягчить родителей, и обезоружить ихъ суровость.

Маріанна любила свою сестру; тронута она была слезами, проливаемыми въ ея объятіяхъ; старалась ее утѣшить; изъясняла всѣ причины набожностію ей внушенныя; не предвидѣла однакожъ никакого средства: сердце ея нечувствительно было къ любви, но къ честолюбію; она любила не Маркиза, но знатность, которую онъ ей придать можетъ; мечта знатности ея ослѣпляла; съ огорченіемъ усматривала она, что возвышеніе ея происходило съ нещастіемъ Емиліи; одно это ее огорчало въ радости, но не премѣняло ея желаній. Емилія увѣряла ее, что она никогда не можетъ совершить ужасной сей жертвы, которая нарушала какъ природу, такъ и законъ. Естьлибъ мнѣ и возможно было добровольно оставить Валкура, говорила она: со всѣмъ тѣмъ никогдабъ не могла вступить въ то состояніе, которое мнѣ предлагаютъ. Я всегда имѣла великое отвращеніе къ монастырской жизни; и малое время, препровожденное тамъ, довольно побудило меня къ тому совершеннымъ отвращеніемъ. Ахъ, сестрица! какъ возможно мнѣ жертвовать святынѣ сердцемъ преисполненнымъ любовію, и при-

сягать съ обманомъ. Возможноль провождать жизнь въ безпрестанномъ мученіи, сгарать пламенемъ безбожнымъ, сопротивляться безплодно, желать . . . И можетъ быть уступить всему. Избавь меня, ежели можешь, отъ очевидной погибели; естьли отецъ и мать моя оставятъ меня, то хотябъ сестра моя пожалѣла обо мнѣ, и почувствовала мои скорби. Ахъ! ежелибы они тебѣ были извѣстны; не такъ ты любила какъ я; неизвѣстны тебѣ мученія, сопряженныя съ горестною любовію . . . . Для чего я столько нещастлива? За нѣсколько минутъ не представляла я себѣ, чтобъ такія ужасныя слѣдствія быть могли! сестрица . . . Твое возвышеніе меня погубляетъ . . . . . Прости, что я противъ воли своей тебя упрекаю; увы! сердце мое тебѣ отдастъ справедливость. Вѣдаю, чтобъ ты замужства своего не купила лишеніемъ меня спокойной жизни; тебѣ не можно быть тѣмъ щастливой, я то знаю; но ты исходатайствуя отцу и матери моимъ славу, поговори имъ, можетъ быть они тебя послушаютъ.

Маріанна плакала, дружба къ сестрѣ и честолюбіе сражались въ ея сердцѣ; но последнее преодолѣвало. Емилія, сказала она ей: ты видишь, сколь много я о тебѣ сожалѣю; да что мнѣ дѣлать? Родители наши

такъ

такъ опредѣлили; то безполезно, да еще и опасно теперь имъ въ томъ противиться; будемъ ждать отъ времени; пропустимъ нѣсколько дней; иногда уступая бурѣ, тѣмъ ее прогоняютъ; упорство только что раздражитъ батюшку, и подкрѣпитъ его въ намѣреніи. Показывай, что ты повинуешься ихъ волѣ; время, рассудокъ и природа скоро можетъ быть ихъ приведутъ въ чувство; полагайся по крайней мѣрѣ, полагайся на любовь твоей сестры; никогда она не согласится на твое нещастіе. Сказавъ сіе, обняла она ее съ усердіемъ, плакала, и вмѣстѣ воздыхали.

Емилія проводила ночь въ рассмотреніи даннаго сестрою своей совѣта; не могла она приступить къ притвору и обману противъ своихъ родителей; плакала и ни на чемъ не утверждалась. Поутру пришелъ къ ней Валкуръ, услыша, что противъ него сооружалось, заклиналъ онъ Емилію, чтобъ его не забывала, противилась бы новымъ повелѣніямъ своего родителя, которыя не могутъ быть сильнѣе данныхъ прежде, чтобъ его любить; любезная его описывала ему жестокое свое состояніе, требовала его совѣта, и сообщала ему о томъ, что она съ сестрой своей говорила; Валкуръ уговаривалъ ее къ твердости; просилъ, чтобъ она всему проти-

вилась; и ни на чтобъ не соглашалась; онъ слышать не могъ, чтобъ она подумала его забыть; нѣжная его любовь вооружалась противъ малѣйшаго притвору. Онъ хотѣлъ самъ вступить въ оное дѣло; говорить Дорвалю; требовать отъ него изъясненія; убѣждать его тѣмъ, что онъ далъ слово. Онъ не теряя времени принялъ нужныя мѣры, которыя только къ тому послужили, чтобъ удостовѣрить его о нещастіи. Дорваль возвратилъ данное слово, уничтожилъ предприятыя обязательства, и запретилъ Валкуру ходить въ домъ свой.

Нещастной Емиліи вновь приказано было готовиться къ уединенной жизни, и оставить своего любовника. Уныніе ея умножалось; слёзы ея не побуждали родителей; одна Маріанна чувствительна была къ ея мученью; напоминала она ей данные на канунѣ совѣты, и сколь нужно онымъ слѣдовать; представляла ей, какое худое слѣдствіе уже произвело ея упорство. Емилія послушалась, объявляла, что она всему покорнется; оное казалось возвращало ей любовь родителей; надѣялась она, что со временемъ ихъ приведетъ въ жалость. Не думала, чтобъ они совершенно хотѣли сей жертвы, и чтобъ непослушаніе ея навлекло ихъ ненависть.

По-

Поутру Емилія отвезена была въ монастырь, чтобъ навсегда тамъ остаться. Какъ скоро ее туда впустили, и решетку затворили, то мать ей давала знать, что чрезъ мѣсяцъ ей надобно постричься. Слово сіе было уязвленіемъ кинжала въ ея сердце; однакожъ скрыла она свою чувствительность, и мать отъ нее возвратилась въ чаяніи, что она будетъ послушна. Наибольшую строгость употребили въ надзираніи надъ нею; пресѣчено было всякое сообщеніе съ ея любовникомъ; можно себѣ представить, что благоразуміемъ госпожи Дорваль приономъ случаѣ ничто упущено не было. Валкуру было отказано; чрезвычайно таили мѣсто пребыванія Емиліи. Сей нещастной молодой человѣкъ думалъ, что она живетъ у отца своего въ домѣ, куда ему ходить запрещено было, плакалъ онъ неутѣшно, не могъ ей дать знать о своемъ состояніи, и неизвѣстенъ былъ объ ней: любовница его еще болѣе была нещастна. Освященныя дѣвы, которымъ она сотовариществовала, и которымъ обѣщано достаточное приданое, чтобъ накрѣпко за ней смотрѣли, употребляли при недремлющемъ бдѣніи всѣ хитрости обмана. Все употреблено было склонить ея къ святости; упорствомъ своимъ усугубляла она ихъ приступы: всякой день получала тысячу

чу убѣжденій. Правители, первосвященники, старицы, бѣлицы, безпрестанно къ ней приступали, и всякой предупреждалъ ее склонить.

Ужасными описывали ей преткновенія и опасности свѣта, и какія находятся горести, нещастія, и неизбѣжимыя бѣдствія во всѣхъ обществахъ. Въ цѣломъ свѣтѣ видны были только измѣны, несправедливости, клятвопреступленія и клеветы; всѣ нравы были испорчены; все наисвященнѣйшее въ законѣ сдѣлалось предметомъ посмѣянія нечестивыхъ; беззаконіе повсюду являлось, и возвышалось на развалинахъ закона: вотъ каковъ свѣтъ, въ которомъ она жить хотѣла!

Похваляли ей пріятности и преимущества монашеской жизни, тишину и ненарушимое спокойствіе особъ живущихъ въ монастырѣ. Согласіе, царствующее между ими, утѣшеніе небесное, пріятности убѣждающія, и неминуемыя ко спасенію средства, соединенныя съ ихъ состояніемъ; однимъ словомъ, монастырь есть пребываніе невинности; прибѣжище цѣломудрія и добродѣтели; храмъ тишины и блаженства, и небо земное. Когдажъ она щому противилась, то предъявляли ей, какія могутъ быть худыя слѣдствія отъ ея непослушанія; сколь много ей надобно опасаться раз-

дра-

драженнаго отца? Что нанося нещастіе своей фамиліи сама себя дѣлаетъ она нещастливою. Что отецъ ея никогда не проститъ; и развѣ она не знаетъ, сколь ужасно прогнѣвлять родителей? Въ противномъ же случаѣ всю ласку пріобрѣсть себѣ можетъ; весь домъ будетъ въ ея услугахъ; всѣ ее ласкали, и всѣ похваляли; самыя велерѣчивыя не находили довольныхъ выраженій описать стройность ея тѣла и остроту разума: она совсѣмъ прелестна; но какъ несравненно еще была бы лучше въ монашескомъ покрывалѣ! старались примѣрить ей оное; всякая свое предлагала; а какъ всѣхъ вдругъ надѣть было не можно, то спрашивали, кому она дастъ преимущество; каждая въ томъ завидовала. Емилія принуждена была склониться на оную шутку; дозволила надѣть себѣ на голову покрывало: удивленіе умножилось, и ничто такъ къ ней не присшало.

Всѣ сіи слова̀ не прельстили Емилію; Валкуръ не выходилъ изъ ея мыслей; воображеніе, сдѣланное ею о благополучіи, которымъ она надѣялась съ нимъ наслаждаться, превосходило все то, что ей представляли; мѣсяцъ, назначенной ей жить въ монастырѣ до пострыженія, минулъ; отвращенія ея отъ онаго вновь усилились; каждой день, и каждая минута умножали

природное ея къ тому омерзѣніе. Усматривала уже она пріуготовленія по обряду, къ чему она никакъ вознамѣриться не могла. Употребила въ свою пользу дозволеніе писать къ своему отцу: но не можно ей было прибѣгнуть въ томъ къ своей сестрѣ; напослѣдокъ надлежало прервать молчаніе, смотрѣть, что произвело время; льстилась она его побудить, и письмо ея было слѣдующаго содержанія:

„Нещастная дочь ваша испрашиваетъ „вашей милости; припадаетъ къ стопамъ „вашимъ для полученія оной; омываетъ „слезами бумагу: сжальтесь, и не совершайте „ея злополучія. Я всѣ возможности упо„требила, чтобъ склониться по вашимъ „желаніямъ; но вообра304ніе навсегда заклю„чить себя въ монастырь, несказанно „меня тревожитъ. Ахъ, батюшка! вспо„мните о вашей прежней нѣжности ко „мнѣ, отмѣните ужасное свое опредѣленіе; „не подвергните меня въ вѣкъ мучиться, „проклинать данное мнѣ бытіе: вы оное „можете учинить благополучнымъ, не дѣ„лайте его нещастнымъ. Пожелаете ли „вы сего? Вашаль я дочь? Заслуживаюль „я приготовляемую мнѣ злощастную у„часть? Сжальтесь на мое состояніе, у„тѣшьте свою дочь, ободрите ея надежду, „поставьте ей другіе законы; сколько бы

„оные

„оные ни были строги, я ихъ исполнять
„готова: въ одномъ семъ найдете только
„упорство; впрочемъ жизнію своею вамъ
„жертвовать готова . . . . . Правда, всѣмъ,
„и самаго Валкура; ибо вы мнѣ то при-
„казываете; наградите всѣмъ вашимъ и-
„мѣніемъ мою сестру, я ни малѣйшей ча-
„сти изъ того не потребую; въ томъ
„клянусь предъ Богомъ и предъ людьми;
„но избавьте меня отъ толь ужасной жер-
„твы, въ тысячу разъ страшнѣе всего,
„что себѣ представить можно обременяю-
„щаго. Ахъ, батюшка! чтобъ вопль мой
„могъ побудить ваше сердце, и возвратить
„мнѣ дражайшую любовь, составляющую
„верьхъ благополучія моей жизни, и я не
„заслуживаю, чтобъ вы меня того лишили.„

Письмо Емиліи не перемѣнило ея со-
стоянія, но учинила его еще болѣе несно-
снымъ. Мать ей на оное отвѣчала: дава-
ла ей только одинъ день сроку, чтобъ
преодолѣть свое упрямство къ постриже-
нію, угрожая ей всѣмъ своимъ гнѣвомъ,
естьли она ей будетъ непослушна.

Такъ ужѐ это совершилось, вскричала
Емилія, лишена я всей надежды; жертва
моя опредѣлена; никогда, никогда не буду
я соединена съ Валкуромъ. Сіи толстыя
стѣны, и ужасныя решетки, удалятъ ме-
ня отъ свѣта; вотъ моя гробница! •

 смерть

смерть, ускори ту минуту, въ которую я туда сойти должна! Увы! я только въ твоихъ нѣдрахъ найду желаемое спокойствіе, и конецъ моимъ мученіямъ.

Печаль и отчаяніе истощили ея силы; здоровье уменьшилось, и того же вечера пришла къ ней жестокая горячка; она съ радостію смотрѣла на новое свое состояніе; оно промедляло ея жертву, смерть можетъ быть предускоритъ оному; торжествовала она своей болѣзнію. Дорваль съ своей супругой скоро о томъ спознали. Думали они, что это было только причиною умедлѣнія церемоніи. Госпожа Дорваль поѣхала въ монастырь; вошла въ покой своей дочери; глазà ея свидѣтельствовали ея состояніе; она сжалилась; природа всегда право свое беретъ; она нѣсколько плакала; но честолюбіе скоро ее утѣшило. Оно представляло ей, что смерть дочери ея произведетъ то же что и постриженіе; она не оставляла сего мнѣнія, но еще въ томъ безъ страха пребывала; столько жестокосердія можетъ ли быть въ матери! помыслимъ по крайней мѣрѣ по человѣчеству, что такіе примѣры столькожъ рѣдки какъ и страшны.

Между тѣмъ болѣзнь Емиліи умножалась; вѣдомость о томъ прошла по всему городу; узнали тому причину; нещастной

Вал-

Валкуръ о томъ свѣдалъ; проводилъ онъ горестную жизнь съ тѣхъ поръ, какъ онъ принужденъ былъ оставить предметъ своей любви. Почиталъ, что Емиліи не было для него на свѣтѣ; жалѣлъ объ ней и жизнь свою ненавидѣлъ. Погруженный въ нещастіи, не зналъ какъ жизнь свою окончить. Безпрестанно въ слезахъ желалъ онъ смерти. Неизвѣстенъ былъ о состояніи своей любезной; не чувствуя умножающагося отчаянія; она еще его любила, и безъ сомнѣнія любовь ея смерть его предѣускорила; не могъ онъ ее видѣть, ниже утѣшить, и никакой сдѣлать по́мощи; безплодно старался объ ней провѣдать, всуе покушался подкупить старицъ монастыря. Но все слышалъ общенародныя только рѣчи. Самъ занемогъ, не принимая никакой по́мощи, призываетъ смерть, всѣ попеченія объ немъ казались ему умноженіемъ его мученія и нещастій. Имя Емиліи безпрестанно имъ повторялось; посвятилъ онъ послѣднія свои минуты размышленіямъ объ ней; написалъ къ ней письмо, не думая, чтобъ оное ей вручено было, хотя онъ чрезмѣрно проситъ послѣдней сей милости. Прощается онъ съ нею, описываетъ свою любовь, которую сохранялъ до смерти. Прощаетъ Дорвалю его несправедливость и жестокосердіе: проситъ его о дозволеніи

вру-

вручить дочери его послѣдния сіи выраженія его любви, и умираетъ прося стоящихъ около его постѣли, чтобъ все возможное употребили склонить Дорваля, чтобъ онъ ему сдѣлалъ нещастное сіе утѣшеніе.

Письмо его отдано было послѣ его смерти отцу Емиліи, которой отдалъ его своей супругѣ; она обѣщала оное произвести въ дѣйство. Болѣзнь дочери ея была опасна, однакожъ молодыя лѣта ея отъ того спасли. Она выздоровѣла; начали опять принуждать ее постричься; она прежнее упорство въ томъ показывала; смерть Валкура могла ее къ тому понудить. Госпожа Дорваль пріѣхала въ монастырь. Емилія пришла съ ней говорить къ решеткѣ, и просить вновь милости. Но какимъ ударомъ была она поражена, когда мать пресѣкши ея прозьбы съ гнѣвомъ сказала: Небо рѣшило твою судьбину, дочь моя; оно прервало оковы, которыми ты къ свѣту была привязана, и которыя всѣ нещастія твои совершали; ничто ужѐ не послужитъ къ твоей отговоркѣ, ты не можешь болѣе принадлежать Валкуру, его ужѐ нѣтъ на свѣтѣ. —— Боже мой! . . . онъ умеръ . . . . Матушка, какую ужасную вѣдомость вы ко мнѣ приносите? Горячность ваша должествовалабъ оное отъ меня утаить; но вы не имѣете обо мнѣ сожалѣнія . . .

Мать

Мать моя не можетъ инако со мной говорить, какъ раздирая мое сердце!

Госпожа Дорваль чувствовала укоризны, и ничего на оныя не отвѣчала. Она догадывалась, что дочь ея сомнѣвалась въ томъ, что она ей сказала: за нужное почитала ее въ томъ удостовѣрить, вынувъ изъ кармана Валкурово письмо, подала оное Емиліи. Она узнала руку своего любовника; слёзы у нея полилися, и орошали драгоцѣнной сей почеркъ: наконецъ она его прочла. Ужѐ его нѣтъ на свѣтѣ, вскричала она! . . . Ахъ! скоро и я за нимъ послѣдую! . . . Воображеніе умирающаго Валкура вдругъ лишило ея чувства и голоса. Госпожа Дорваль призывала на помощь: Емилія приведена была въ чувство, положили её на постелю. Не чувствовала она прилагаемыхъ объ ней попеченій; она все отвергала, и ничего не принимала. Дала она волю женщинамъ къ ней приставленнымъ поступать какъ они хотятъ, сама дѣлалась будто ихъ не видитъ, наблюдая глубокое молчаніе. Сіе безпамятство продолжалось нѣсколько дней. Слёзы и вопль ея доказывали, что она приходила въ чувство. Препроводила она нѣсколько дней въ ужасномъ отчаяніи: утѣшенія, даваемыя ей, только больше ее огорчали. Какъ скоро она нѣсколько успокоилась, то начали опять

ее

ее тревожить, чего она переносить не могши, обременила свою душу. Хотѣли преодолѣть ее упрямство эпитемією, больше ее огорчающею; разсудокъ ея смутился; заблужденіе появилось въ ея глазахъ, однакожъ того не примѣчали. Вдругъ оказала она гнѣвъ и свирѣпство, какъ скоро стали ей говорить о постриженіи. Постъ, строгость, наказанія не могли ее усмирить; но болѣе еще къ тому ее побуждали: Емилія скрыла свое отчаяніе, ничего не отвѣчала, наблюдала ужасное молчаніе предъ своими гонителями. Чаяли ее быть спокойною; но сіе обманчивое спокойствіе, всѣхъ глаза затмѣвающее, была тишина отчаянія. Стократно въ день обвиняла она внутренно родителей своихъ несправедливостію и суровствомъ; желала она смерти, готова была погубить себя своими руками; ужасъ ея состояніе помрачалъ ея душу, колебалъ духъ ея, и внушалъ отвращеніе къ жизни.

Наскуча жить въ страданіи, помышляла она о ужасномъ предпріятіи, котораго она и сама бы устрашилась, естьлибъ разсудокъ ее не оставилъ. Она объявила, что желаетъ послѣдовать волѣ своихъ родителей, написала къ нимъ о томъ письмо; просила ихъ, чтобъ пріѣхали переговорить съ ней къ решеткѣ; болѣе всего требовала,

чтобъ они съ собой привезли ея сестру и Маркиза, которыхъ она хотѣла имѣть свидѣтельми своихъ словъ и обѣщаній.

Господинъ и госпожа Дорваль съ пріятностію читали сіе письмо: сообщили о томъ Маріаннѣ и Маркизу, которыя вмѣстѣ съ ними тому радовались. На другой день назначено было посѣщеніе. Они всѣ вмѣстѣ пріѣхали къ решеткѣ: Емилія скоро къ нимъ пришла. Она была одна, и не хотѣла, чтобъ съ нею кто былъ, обѣщаніе ею данное побудило всѣхъ положиться на ея волю. Вошедъ заперла она за собой двери, подходила съ отчаяннымъ видомъ и замѣшательствомъ къ решеткѣ, которая раздѣляла ее съ родственниками: и такъ вы непремѣнно расположили заключить меня навсегда въ ужасныя сіи мѣста̀, сказала она своимъ родственникамъ: слёзы мои не могли васъ побудить къ жалости; намѣренія ваши непремѣнны, мое омерзѣніе вы знаете, и столько видѣли опытовъ, однакожъ всѣмъ должна я вамъ жертвовать? Вы желаете совершить нещастіе мое и погибель. А вы, сестрица, соглашаетесь, чтобъ я была жертвою тщеславія нашей фамиліи, и такого союза, о которомъ можетъ быть вы послѣ сожалѣть будете? Вы же, государь мой, говорила она Маркизу: столь жестокосерды, что требуете вѣчной моей па-

пагубы? Вы только для того вступаете въ наше семейство, чтобъ довести меня до отчаянія. Вы лишили меня любви моихъ родителей, довели ихъ до того, что они несправедливо и безчеловѣчно со мною поступили; но вы же, можетъ быть, за меня имъ и отмстите. Ваши жестокіе поступки, противъ меня нещастной доказываютъ, что вы и съ родительми моими не инако поступите. Я на васъ въ томъ полагаюсь, дабы имъ внушить угрызеніе совѣсти, какъ свирѣпо поступаютъ они съ огорченною Емиліею: они стенать будутъ, но уже поздно. Ахъ, батюшка и матушка! еще вамъ есть время избавиться отъ раскаянія: я видѣть васъ желала, и въ послѣдніе васъ испытать. Не принуждайте меня открыть вамъ намѣреніе, которое грудь моя отвергаетъ: не доводите меня сдѣлаться клятвопреступницею, и совсѣмъ безбожною. Я сама себя испытала, и никакъ пробыть не могу въ уединенной жизни; заключеніе мнѣ ужасно. Душа моя, удрученная тяжестію своего мученія, требуетъ облехченія: свѣтъ разобьетъ мои страданія, и я предпочитаю смерть сему монастырю, въ коемъ желаете вы меня заключить.

Разговоръ сей удивилъ Дорваля и Маркиза; супруга онаго чрезвычайно на нее

рас-

рассердилась: съ гнѣвомъ она ей отвѣчала, и въ наижесточайшихъ выраженіяхъ. Жаловалась она на дерзновеніе своей дочери, и давала ей знать, что она сожалѣть будетъ о возвращеніи своего здоровья. Будьте довольны, сударыня, отвѣчала Емилія: естьли жизнь моя вамъ въ тягость, то не долго будете тѣмъ мучиться, я съ охотою ея лишусь: да чтобъ меня къ оной и привязывало? Ужѐ давно не имѣю я матери, не отъ сего часа я то узнала. По крайней мѣрѣ думала я, что у меня отецъ оставался, и того я лишилась. Безъ сомнѣнія и сестры̀ у меня нѣтъ. Я одна въ своемъ родѣ. Весь свѣтъ меня оставилъ, не имѣю союза, которой бы къ жизни меня привязывалъ; одинъ Валкуръ все мнѣ замѣнить могъ, и меня утѣшить.... Но онъ умеръ..... Вы, жестокіе, его умертвили ... Вы въ грудь его вложили все отчаяніе и лютѣйшія му́ки ... Отчаяніе и мною овладѣло; я стыжусь, что напрасно васъ призывала, мнѣ бы предузнать надлежало вашъ отказъ, и не входить съ вами въ дѣло ... Обращаюсь къ прежнему моему намѣренію, къ тому самому, которымъ я была возбуждена, когда видѣть васъ желала ... И только вашего отвѣта дожидалась, прошедшее ужѐ меня научило, чего впередъ ожидать мнѣ

должно. Я только предъ собой имѣю сей монастырь, или смерть; выборъ мой сдѣланъ . . . . И вы будете довольны.

По сихъ словахъ Емилія встаетъ, бѣжитъ съ отчаяніемъ къ дверямъ, задвигаетъ оба запора; надѣясь, что съ сей стороны помощь ей подана не будетъ, съ другой же стороны отдѣляла ее желѣзная решетка: приставляетъ стулъ къ стѣнѣ, становится на оной, привязываетъ веревку къ гвоздю, на которомъ висѣла картина, надѣваетъ на себя петлю, и оборотясь къ своимъ родственникамъ, которые были изумленны, чинитъ имъ новые выговоры. Но они ихъ не внимали; приуготовленіе ея почитали они притворомъ ихъ устрашающимъ; не скрывали они того что думали. Ва́рвары, сказала она имъ: не думаете ли вы, что я усомнилась о вашей чувствительности? Я довольно знаю сердца̀ ваши: удовольствуйте ваше тщеславіе, ужѐ я препятствовать вамъ не буду . . . . Тотчасъ скочила она съ стула и повѣсилась. Родственники ея испугавшись бросились къ решеткѣ, думали ее выломить, и поспѣть къ ней на помощь. Смущеніе ихъ и ужасъ препятствовали имъ нѣсколько времени прибѣжать къ дверямъ, и позвать на помощь изъ монастыря. Наконецъ они туда вошли. Начальница имъ въ томъ не вѣритъ. Но

вскорѣ

вскорѣ пріемлетъ она участіе въ ихъ замѣшательствѣ, и вмѣсто того, чтобъ итти въ рефекторію, она упражняется въ пустыхъ восклицаніяхъ, спрашивая о подробностяхъ сего нещастія, и столькожъ времени теряетъ пересказывая тожъ старицамъ, сбѣжавшимся на происшедшій шумъ, на крикъ Дорваля и Маріанны. Напослѣдокъ приходятъ они къ дверямъ той палаты, безплодно покушаются оную отворить. Сіе стало устрашенныхъ дѣвицъ токмо слабую могутъ подать помощь. Все общество собралось къ дверямъ; всякой совѣтуетъ; никто въ дѣло не вступаетъ. Наконецъ одна сильная старица приходитъ съ большимъ отрубкомъ на плечахъ; ударяетъ въ двери многократно, и оныя разбиваетъ. Емилія мертва, позорище сіе всѣхъ дѣвицъ устрашаетъ, ни одна къ ней приступиться не смѣетъ. Храбрѣйшая изъ нихъ обрѣзываетъ веревку; смѣлость ея и другихъ ободряетъ; осматриваютъ Емилію; дѣлать нечего; поспѣшно относятъ въ ея комнату. Дорваль, жена его и дочь въ крайнемъ отчаяніи. Одинъ Маркизъ спокоенъ. Даетъ онъ знать всѣмъ присутствующимъ, сколь нужно утаить отъ общества столь нещастное приключеніе. Опасались худыхъ отъ того слѣдствій. Старицы обѣщали молчать, будучи задобрены.

Дорвалъ возвращается обремененный печалію; жена его въ томъ участіе принимаетъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ оканчиваютъ они союзъ, столь дорого имъ стоящій; оной умножилъ ихъ печаль. Отдали они все свое богатство Маркизу, которой его промоталъ; пренебрежены своимъ зятемъ; испытали они несносное убожество, отъ чего и жизнь свою прекратили; признали они, что небо мстило имъ за Емилію. Госпожа Миранвиль не веселилась мнимымъ своимъ благополучіемъ; щастливою себя почитала, что сохранила маленькое имѣніе, и оставшись въ посредственномъ состояніи, проживала она остатокъ дней своихъ въ монастырѣ.

КОНЕЦЪ.

✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡ ✡

КНИГИ,

Которыя продаются на Спаскомъ мосту.

	коп.
Анна Белла, повѣсть	35
Арсенъ, суета свѣта, повѣсть	33
Аристея и Телази, повѣсть	65
Баниза 2 тома, повѣсть	65
Батильда, повѣсть	35
Бетти, повѣсть	20
Брюсовъ 100 лѣтней календарь	30
Босюетъ, всеобщая исторія	225
Василія Македонина наставленія	30
Графъ Оксенштирнъ, нравоученія	35
Гадательной способъ	40
Грамматика Нѣмецкая 2 части	80
Дружескіе совѣты на 3 языкахъ	30
Двойной обманъ, повѣсть	40
Делабедуаеръ нещаст. супруги, повѣсть	100
Даира 4 части, повѣсть	100
Догматы Христіанской вѣры	20
Донъ Жуанъ, повѣсть	25
Экономія жизни, наставленія	25
Энциклопедія	40
Елоизы, письма	80
Епаминонда, исторія	100
Жевана Княжна	35
Жизнь Петра Великаго	100
Загадки	20
Зрѣлище природы	25

	коп.
Зелинтъ, повѣсть - - -	20
Задека, предсказанія - - -	10
Записки Суллія 10 томовъ каждой	100
Идрографія Россійкая - - -	110
Истолкованіе сновъ - - -	25
Исторія Польская 2 тома - -	175
——— Россійская 3 тома Эмина	300
Краткое понятіе наукъ съ Французскимъ	125
——— съ Нѣмецкимъ	125
Кира, путешествія - - -	150
Катона, нравоученія - - -	20
О коровьихъ заводахъ - - -	25
О Корсикѣ и Паоли описаніе -	40
Комедіи, воспитаніе - - -	32
——— Награжденная хитрость -	30
——— Вѣстникова - - -	25
——— Островъ необитаемой 4 комедіи	80
——— Благодѣтельной Грубіянъ	50
——— Честной преступникъ -	50
——— Тимонъ Нелюдимъ -	50
——— Притворная невѣрность -	25
——— Притворной соперникъ -	20
——— Стряпчей - - -	25
Драмма, непостижимость судьбы -	20
——— Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца	20
Любовь Кариты и Полидора - -	30
Лаурета, повѣсть - - - -	60
Любовники Философы - - -	40
Любовныя утѣхи - - - -	15
Лотерея изъ 80 картъ - -	12
Нравоученіе Философовъ - -	12

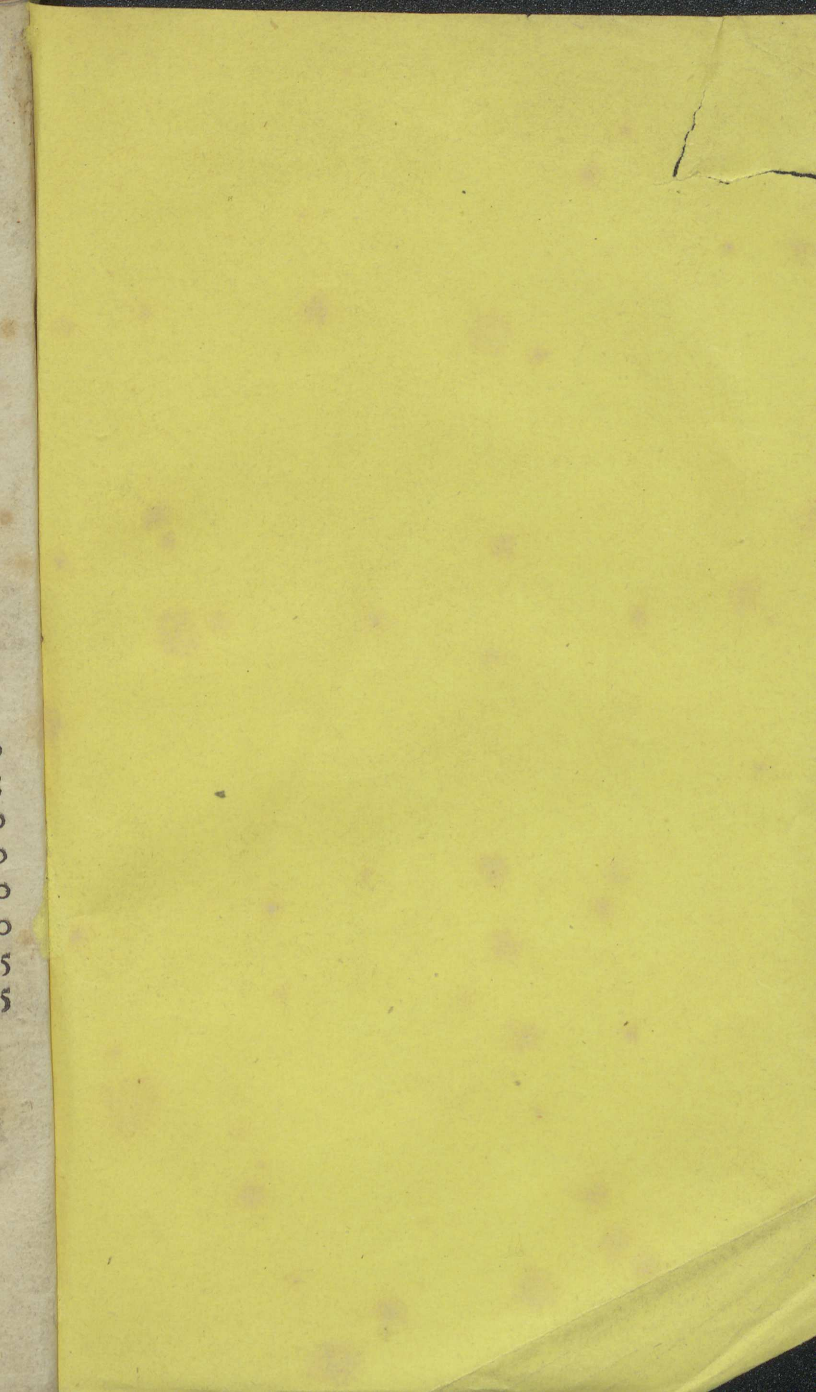
О-

	коп.
Описаніе о женщинахъ - -	20
Открытое зеркало - - - -	45
Принца Евгенія похожденія - -	150
Пѣсни 3 томъ - - - - -	100
Письмо къ любовнику - - -	10
Посланіе къ Шумилову - - -	5
Походъ боярина Шеина - -	60
Россійская вивліофика 12 мѣсяцовъ	400
Сифа 4 части - - - - -	300
Сара Т. повѣсть - - - -	20
Сила родства - - - -	25
Сказка и повѣсть, изъ Арнода -	35
Скотской лечебникъ - - -	100
Сидней и Силли повѣсть - -	20
Смѣсь год. изданіе - - - -	100
Слово похвал. Годунову - - -	30
Старина и новизна 2 тома - -	140
Три рассужденія о Россіи - -	110
Тетрати записныя Петра I. -	150
Тысяча одинъ часъ 2 тома - -	150
Французская философія - - -	30
Физика г. Локка - - - - -	25
Царской свитокъ - - - -	50
Философія Гейнекціева - - -	150
Флорикуртъ любов. исправленной, повѣсть	30
Щастливой разводъ, сказка - -	25
Щастливое сѣмейство, сказка -	22
Щастливая планета, повѣсть -	30
Школьные разговоры на 4 языкахъ	80
Удалившаяся женщина, повѣсть -	40
Юношеское училище 4 тома - -	250

Лю-

	коп.
Любопытной мѣсяцословъ	55
Невинное страданіе, повѣсть	55
Сказки Мармонтеля	150
Сила первыхъ склонностей	25
Ѣзда во островъ Любви	50
О Малороссіи	40
Амстердамской мѣщанинъ	20
Аглинская сирота	25
Торжество дружбы	30
О лунатикахъ	25
Христіанская философія	60
Разныя стихотворенія г. С.	170
Эклоги г. С.	150
Притчи 3 части г. С.	130
Три брата совмѣстники, ком. г. С.	35
Ядовитой, ком. г. С.	45
Ярополкъ и Демиза, траг. г. С.	60
Двѣ эпистолы г С.	20
Приданое обманомъ ком. г. С.	35
Пустынникъ, драмма г. С.	30
Италіанской Езопъ	75
Торгъ Амстердамской	300
Истинной Манторъ	60
Исторія Бранденбургская	150
О блаженной жизни	50
Пра́вила о произношеніи буквъ	25
Священные разговоры	125

5821.
1889.